

Долгая память.

Вечером того же дня, когда число моих вассалов увеличилось, я сидел с Миа возле огня и размышлял, тем более, что уютное потрескивание камина как нельзя более способствовало неторопливым размышлениям. К сожалению, до доверия, которым я наделил первых своих вассалов, близняшкам пока что было далеко. Все-таки, я не мог не предполагать возможности провокации со стороны Великого мага. Так что информацию о происходящем Рубины получили в несколько... неполном объеме. В частности, я скрыл от них природу и лояльность преподавателя Хаоса, а самой Сейлине в отношении новых носительниц Крыльев-и-Жала поставил задачу «защиты, но не подчинения». Не стал я и рассказывать новым вассалам о подлинной судьбе Зеркала Желаний и Философского камня. Конечно, финал этой истории одна из них видела своими глазами... но «видеть» — не значит «понимать, что именно видишь», а они, несмотря на некоторые интересные таланты, Видящими в полном смысле этого слова не являлись. Но и без этого история нашего обучения на первом курсе «самой безопасной в Британии школы Хогвартс» заставила смуглых девочек изрядно побледнеть. Одного Полога Отчаяния для этого вполне хватило.

Я притормозил воспоминания: до сих пор при мысли о Пологе меня охватывало желание возгласить боевой клич Черного Легиона*... и воплотить его в реальность. И только мысль о том, что в пламени войны я рискую потерять Миа, сдерживала меня.

/*Прим. автора: «Maim, kill, burn!» т.е. «Бей, убивай, жги!»*/

Чтобы успокоиться, я вспомнил трюк, недавно показанный нам Сейлиной. Все-таки, в арсенале Той-что-Жаждет есть много интересного, но прошедшего пока что мимо моего внимания просто в силу того, что «никто не в силах объять необъятного». Так что, не погружаясь в размышления об особенностях безграничного познания, я протянул руку в камин, и извлек из огненного цветка один из его лепестков, доверчиво обвившийся вокруг моей ладони. Очень красиво, очень полезно, и... опасно, как впрочем, и большинство по-настоящему полезных вещей. Сквозь игру пламени я любовался Миа. Школа библиариума Тысячи сынов дала мне многое: в частности, поверхностные мысли окружающих я считывал почти неосознанно, фильтруя их на предмет возможной угрозы. Так что для меня не было откровением то, что многие при взгляде на Миа замечали только выступающие зубы и воронье гнездо на голове. И я не собирался метать бисер перед свиньями и проповедовать слепым красоту радуги: если они не видят пламени ее истинного существования, не слышат, как поют волны варпа, касаясь ее души, не способны осознать паутину вариантов вероятного будущего, обещающую девочке величие Изменения — то не мне открывать им глаза. А мысль не изреченная — не может быть оскорблением. Но вот те, кто рискнет высказаться... Они быстро осознают, что совершили ошибку с огромной буквы Ошъ.

Миа посмотрела, как я задумчиво играюсь с лепестком пламени под ошарашенными взглядами тех, кто не посещал занятия Сейлины или бросил их, и тоже захотела поиграть с огнем. Если на моей руке лепесток пламени приобретал отчетливые багровые оттенки, то ладошку девочки охватывал почти золотой лепесток.

Любуясь на игру пламени, я оставил малую часть своего сознания наблюдать за безопасностью, а сам задействовал подлинную мощь этого приема, о которой Селина не рассказывала. Собственно, только благодаря таким вот умолчаниям, и обещанию не учить детей ничему действительно полезному, но только таким вот красивым, но бессмысленным приемам и удалось добиться от Дамблдора разрешения оставить уроки Хаоса в формате общедоступных.

На самом же деле, Пляска Огня — один из довольно серьезных инструментов работы с

собственным сознанием. В частности, погружение в Высшие Исчисления она облегчала несказанно. А сейчас мне нужны были именно высокие уровни Исчислений: я собирался вернуться в воспоминаниях к событию, оставшемуся неизвестным подавляющему большинству разумных, жизни которых оно перекроило, с выбора, определившего мой путь на долгие века вперед. И если найти само воспоминание благодаря Кристальному залу не составляло труда, то чтобы осознать происходившее — требовалось изрядное усилие. И я надеялся, задействовав новый прием, увидеть новую, до этого — скрытую от меня грань бытия.

...

Место, если его можно было назвать «местом» было далеко от всего, что только может представить себе разум смертного. Пространство складывалось в сложную фигурку оригами, при этом некоторые из его девяти измерений менялись местами с течением времени, если то, что текло с шести перпендикулярных направлений, свиваясь в кольца логических парадоксов можно было назвать «временем». Присутствие двух чудовищных сущностей заставляло ткань мира плакать кровью. Само существование личностей такого масштаба представлялось невероятным... но они существовали и присутствовали. Так что мне пришлось свернуться практически в точку и отрубить большую часть восприятия, чтобы мой собственный разум не стал всего лишь отражением, скверным и неполным, столь огромного противостояния.

Слои символов, которыми обменивались собеседники — не поддавались переводу на любой язык, распространенных среди смертных, просто потому, что смертные не могли мысли ТАК... многомерно. Поэтому мне приходится отщипывать лишь краешки смыслов, передаваемых этими монстрами друг другу. Монстрами, одним из которых был мой нынешний сюзерен, а другой... Часть Великого плана, пошедшая против создателя, творение, осознавшее несовершенство и опасность сотворяемого, сын, готовящийся встать против Отца. Примарх. Алый Король. Магнус Имморталис!

— Итак, Второй мертв, и я даже не могу вспомнить его имени, хотя он всегда был моим другом. Ты был прав в своих предвиденьях.

— Я всегда прав. Эту глупую привычку я где-то подхватил, еще когда только начиналась война К'Тан против Древних.

— Хорошо. Тогда ответь мне: кто из братьев может поддержать меня? Кто сумеет разорвать цепи, наложенные на нас Анафемой?

— Хорус вполне может встать во главе... На Русса можешь даже не рассчитывать...

— В Бездну варпа и Шестнадцатого, с его гордостью, и Шестого, в варварстве своем не способного постичь даже края Истины. С кем будет Лоргар? Он — в опасности, а именно Семнадцатого я хотел бы сохранить. Но Отец не поймет всей уникальной, всей сути того, что он сам вложил в Аврелиана...

— Судьбу Лоргара решишь ты.

— ?? — Я не могу уловить даже малой части очередной «фразы» Алого Короля, довольствуясь восприятием вопросительной интонации.

— Однажды, в унижении, в ярости и отчаянии, с руками, изрезанными осколками распадающихся идеалов — он придет к тебе за советом. Успокой, утешь, поддержи его — и он останется верен Императору. Покажи ему Истину, что он так ищет — и он отшатнется от нее...

— Хорошо. Я покажу ему Путь. Путь, по которому он пойдет сам. Жаль...

— ?? — Теперь непередаваемый вопрос сотрясает ткань мироздания волей Познающего.

— Мне придется ограничить собственных Сынов... чтобы они не Увидели... лишнего.

— Хорошо. — Познающий почти в точности копирует интонации недавнего высказывания Алого Короля. — Только есть у меня к тебе небольшая просьба...

— Уж не связана ли она с тем, кто пытается слушать наш разговор?

— Именно с ним. Парнишка юн... но ему пора делать следующий шаг. Примешь ли ты его как своего Сына?

— Почему бы и нет?

Магнус протягивает ко мне часть своей Силы, как смертный протянул бы руку. Сила Алого Короля окутывает меня, отрезая и защищая от вихрей варпа.

— Идем, малыш... Нас ждет Просперо.

<http://tl.rulate.ru/book/69516/1849763>